

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 27-го Января 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11222.

„Иванъ! Грозный и сынъ его Иванъ“.

Извѣстная картина И. Е. Рѣпина, изрѣзанная безумцемъ Балашовыемъ.

ЖИЗНЬ.

Петръ Кандушкинъ, возвращаясь изъ порта домой, какъ всегда, заходитъ въ пивную Шмулевича выпить на сонъ одну кружку.

Худая, замызганный еврейка приноситъ ему пиво и спрашиваетъ, какъ старого доброго посѣтителя:

— Ну, а ваша матушка, хуже?

— Жива,—произносить Кандушкинъ съ сокрушеннымъ вздохомъ.—Чуть дышить, а жива. Это, знаете, дерево.

Онъ молча пьетъ пиво, хмурится, а въ головѣ повторяется одна и та же мысль: „Не человѣкъ, а дерево. Такая и мѣсяцъ проскрипитъ“.

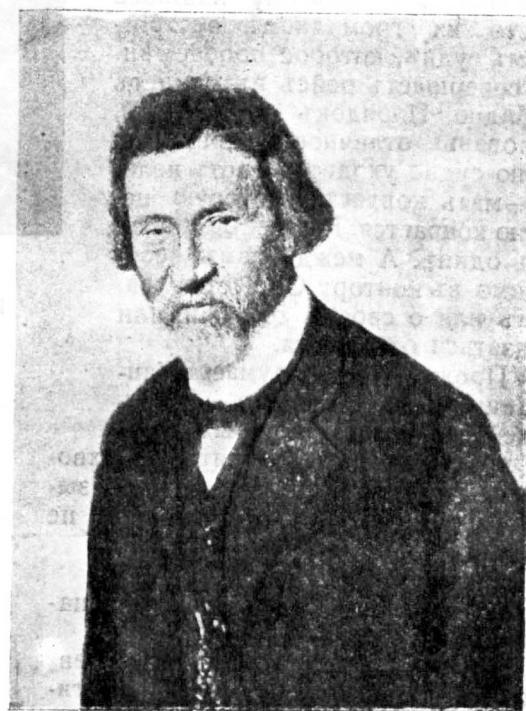
— Еще!—стучить онъ по столу кружкой и почемъ то недовольно мотаетъ головой.

Послѣ работы, когда всѣ мускулы рукъ, ногъ и спины изломаны до послѣдней степени, онъ чувствуетъ себя особенно противно, и все его злитъ.

Нужно же было, чтобы все такъ глупо случилось!

Изрѣзанная часть картины.

И. Е. Рѣпинъ.

Ген.-отъ-инф. М. И. Ботяновъ,
почетный опекунъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ исполнилось
60-лѣтие его службы въ офицер-
скихъ чинахъ.

Десять лѣтъ онъ работалъ въ
порту, какъ воль работалъ, тас-
кая то мѣшки, то громадные ящи-
ки, у которыхъ, кажется, не че-
тыре, а двадцати, сстрыхъ угловъ.
И все искалъ мѣста на пароходѣ,
въ командѣ, да не удѣвалось.
Отецъ былъ морякомъ, весь міръ
узналъ. Сколько интересного и
жуткаго рассказывалъ онъ ему,
тогда еще мальчугану. И глубоко
запали въ душу всѣ эти слова. И
тянуло въ море, тянуло изъ года
въ годъ.

Иногда подолгу стоялъ онъ на
пристани, провожая глазами какое
нибудь уходящее, громадное ан-
глийское судно. И казалось, что
этотъ таинственный мѣркой путь
ведетъ къ концу неба и къ само-
му краю земли.

Вотъ она—насоящая яркая
жизнь! А ему, видно, такъ и про-
житъ въ порту до смерти, пока
не упадетъ подъ какимъ нибудь
чуvalомъ.

И вотъ на-дѣяхъ ему нашлось
мѣсто на громадномъ австрій-
скомъ суднѣ, которое поперемѣн-
но совершаетъ рейсъ въ Египетъ
и Индию. Порядокъ образцовыи,
жалованье отличное. Черезъ не-
дѣлю судно уходитъ, а вотъ нель-
зя,—мать кончается, вторую не-
дѣлю кончается. Какъ ее оставить?
Онъ одинъ. А между тѣмъ необ-
ходимо въ контурѣ Общества за-
явить или о своемъ согласіи, или
отказаться отъ мѣста.

—Прожила свое,—думаетъ Кан-
душкинъ зло и угрюмо.—Двухъ
мужей пережила, шестерыхъ дѣ-
тей похоронила. Семьдесятъ съ хво-
стомъ,—все равно не подымется, язы-
комъ не можетъ шевельнуть, а не
умираетъ.

Наказаніе Господне!

Онъ поднялся, расплатился и на-
правился къ двери.

Сладкими глазами посмотрѣла ев-
рейка ему всѣдѣ. Понятно,—дѣти
на завидный. Косая сажень роста,
крыпкій, жилистый, стройный. И кра-
сивъ, и ничего кромѣ пива не пьетъ,

Извѣстная исполнительница цыганскихъ романсовъ
А. Д. Вяльцева.

— Мать, а мать!—крикнулъ онъ
вдругъ на всю комнату, но въ отвѣтъ
ни слова, только заскрипѣло что то
за занавѣской въ старухиномъ углу.

— Скрипитъ,—расхохоталась Марья
и поставила со звономъ на столъ дѣ-
тей кружки.—Погоди, сейчасъ принесу са-
моваръ.

Кандушкинъ сѣлъ на скамью и
опять думалъ о своемъ:

„Не человѣкъ, а дерево. И что ей
сдѣлать? Были и бабы, и старухи, каж-

А. Н. Витмеръ,
бывш. проф. Николаевской академіи гене-
ральштаба (учитель Скобелева и Куропат-
кина). На-дняхъ ген. Витмеръ пожертвовалъ
свое роскошное кримское имѣніе «Благо-
дарь», оцѣниваемое въ 250 тыс. руб., городу
Балаклавѣ.

дая свое совѣтовала. Все пробо-
вали. Лѣпили горчишики, ста-
вили пьявки, растирали скипи-
даромъ, опускали ноги въ горя-
чую воду, клали на грудь нагрѣ-
тые кирпичи; поили липовымъ
цвѣтомъ, малиной, касторкой.

Третьаго дня дали ложку ке-
осина отъ хрипа, а все ничего.
Ни туда, ни сюда».

Послѣ чаю Петръ сѣлъ на свою
кровать и коротко бросилъ со-
сѣдъ:

— Останешься, что ли?

Она толькo разсмѣялась и
начала заплетать свои растрепан-
ные рѣжкѣ волосы.

Кандушкинъ шагнулъ за занавѣску, вытащилъ изъ подъ ста-
рухиной головы подушку и бро-
силъ ее Марѣ на колѣни.

— Ложись.—букнуль ей и
закурилъ толстую папиросу.

Прошло еще два дня. Старуха
по прежнему ничего не гово-
рила, а только скрипѣла, и Кан-
душкинъ отъ этого скрипучаго
дыханія приходилъ въ бѣшен-
ство. Черѣтъ три дня уходить
пароходомъ! Потерять такое мѣсто!

Но сегодня настроение у него
ладное, видно, набрѣль на какую-
то хорошую мысль. Шель домой,
посвистывая, и по пути купилъ
бутылку водки и цѣлую коробку
перца.

Дома зажегъ лампу, заперъ
дверь къ сосѣдямъ и на стуѣ
Мары только выругался. Шаг-
нулъ въ уголь и отдернулъ за-
навѣску.

— Ну, мать, какъ ты себя чувствуешь?
Въ темномъ, закопченомъ углу на
желѣзной кровати, вся обмотанная
платками и тряпками, лежала старуха.

Сначала нельзѧ даже было разо-
брать, что тутъ лежитъ человѣкъ. Ка-
залось, бросили сюда ворохъ старого,
грязнаго бѣля, которое издавало
острый и непріятный запахъ кероси-
на и скрипидара.

Не было видно старухинаго тѣла, а
только голова съ спутанными сѣдыми

КЪ ПЕРЕВОРОТУ ВЪ ТУРЦИИ.

Энверь-бей,
бывш. военный агентъ въ Берлинѣ,
одинъ изъ главныхъ дѣятелей послѣ-
дняго переворота.

Назимъ-паша,
бывш. главнокомандующий турецкими сила-
ми подъ Чаталджей, убитый Энверь-беемъ и
Талаатъ-беемъ.

Талаатъ-бей,
бывш. министръ внутреннихъ дѣлъ.

пишь. И, дѣйствительно, больна дыш-
ала какъ будто свободнѣе.

— Пей, пей еще. Это укрепить. Это
хорошо.

Старуха опять пила, но промежут-
ки между глотками дѣлались все бо-
лѣе длинными. Наконецъ, она начала
захлебываться, и водка изъ ея рта
выливалась на платокъ.

„Довольно“ подумалъ Кандушкинъ,
взглянувъ на бутылку, которая осво-
бодилась на три четверти.

Онъ наклонился къ матери и рука-
вомъ вытеръ ея губы. Но въ это вре-
мя старуха зашевелилась всѣмъ тѣ-
ломъ, слегка приподнялась и, смотря
на сына мутными покраснѣвшими гла-
зами, разсмѣялась какимъ-то нелѣ-
пымъ и глухимъ смѣхомъ.

Кандушкинъ нахмурился:

— Ну, что это ты? Ложись. Весело
стало.

Онъ укрылъ старуху, допилъ оста-
токъ водки и легъ на постель, при-
крутивъ лампу. Но когда легъ, стало
вдругъ жаль мать, и сказала нерѣши-
тельно:

— Это хорошее средство. Иногда
очень помогаетъ. Повернулся къ стѣ-
нѣ, прислушался къ старухиному каш-
иму и заснулъ.

Проснулся, когда въ окнахъ уже
засѣрѣлъ разсвѣтъ.

Вышелъ во дворъ, плеснуль себѣ
холодной воды на лицо изъ ведра,
вытерся и крикнулъ:

— Мать, а мать!

Прислушался—тихо. Даже не скрип-
нуло. Тогда отдернулъ занавѣску, тро-
нуль матъ рукой и понялъ, что умер-
ла—холодная. Лицо ея было совсѣмъ
сѣре, а ротъ открылся еще больше.
Лохмотья сползли съ нея, вѣроятно,
во время агоніи, и лѣвая тощая рука
свѣсилась съ кровати до самаго пола.

Кандушкинъ три раза перекрестилъ-
ся, опустился на колѣни и поцѣло-
валъ свѣсившуюся руку.

Махмудъ Шефкетъ-паша,
главный великий визирь.

Затѣмъ онъ по-
дошелъ къ двери
и рѣзко посту-
чалъ.

— Ну-у,—про-
тянулся сонный
голосъ Мары.

— Я, я! Мать
умерла! — кри-
кнулъ Кандуш-
кинъ, и голосъ
его прозвучалъ
совсѣмъ бодро.

Марья тотчасъ
влетѣла въ комна-
ту, босоногая, въ
рубашкѣ. Сонные
глаза уже засвѣ-
тились любопыт-
ствомъ. Бросилась
съ старухиной по-
стели, взвизнула,
убѣжала къ себѣ;
опять влетѣла, но
уже въ кофѣ и
юбкѣ, и почему то
улыбнулась, взгля-
нувъ на Петра.

Черезъ нѣсколь-
ко минутъ бабы—
сосѣдки уже об-
мывали старуху
изъ широкаго,
покачивающагося
корыта.

Въ слабомъ свѣтѣ утра по-
блескивали на полу пятна
мыльной воды, и поблески-
вало тощее коричневое тѣло
старухи съ раскинутыми, не
гнувшимися членами.

Черезъ часть Кандушкинъ
шелъ въ портъ, въ контору.

Солнце уже поднялось. По
улицѣ стлались легкіе желтые
лучи и играли въ стеклахъ
домовъ. Городъ шумѣлъ. Не
слись изъ порта визгливые
голоса сиренъ и смѣшивались
съ басистыми криками гуд-
ковъ.

Кандушкинъ шелъ быстро
и что то насвистывалъ себѣ
подъ носъ.

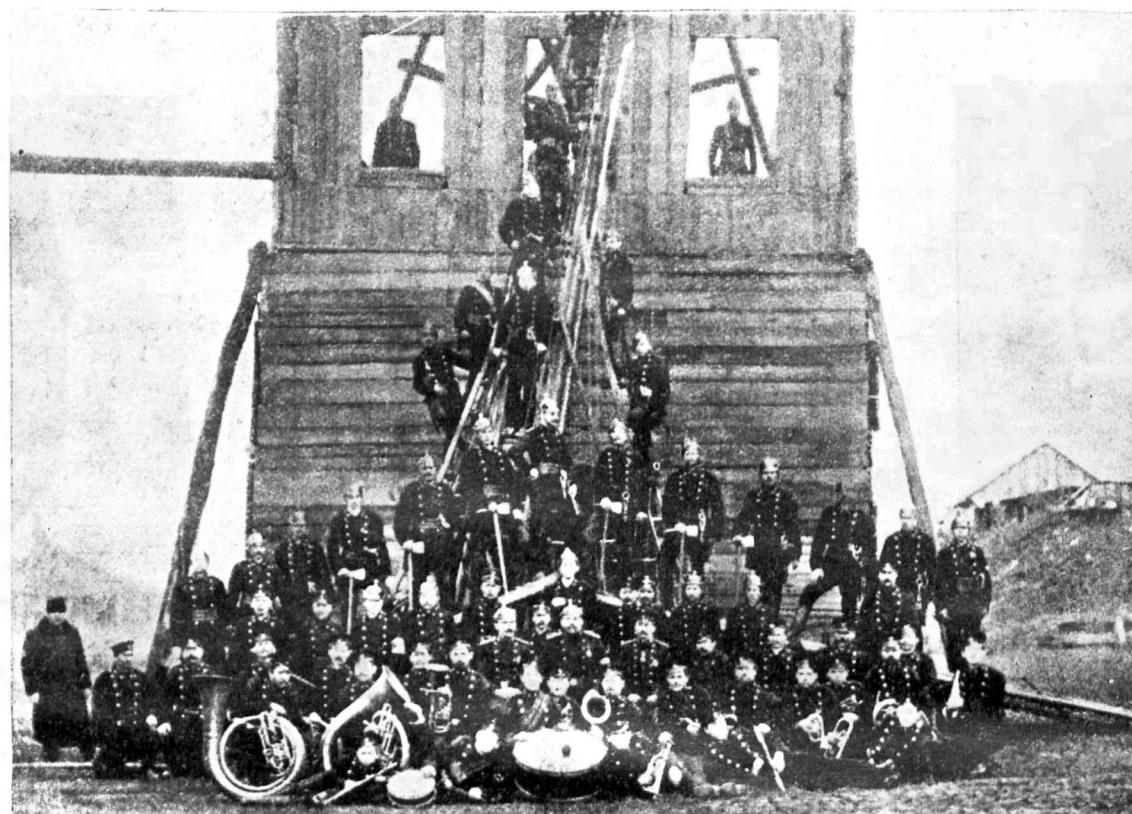
Ал. Станкевичъ.

СМѢСЬ.
Передача иллюстрацій по те-
леграфу.

Газетная техника за границей
достигла небывалой высоты.
Недавно въ петербургскихъ га-
зетахъ былъ пsmѣщенъ пор-
третъ нового статсъ секретаря
Германіи; этотъ портретъ по-
лученъ газетой „Matin“ и жур-
наломъ „L’Illustration“ по геле-
графу изъ Берлина. Для пе-
редачи такого портрета по
телеграфу („телавтографу“ проф.
Корна) требуется отъ 10 до 15
минутъ. Журналъ „L’Illustration“
уже въ теченіе нѣсколькихъ
лѣтъ пользуется собственными
телавтографическими станція-
ми, позволяющими ему обмѣни-
ваться иллюстраціями съ по-
временнымъ изданіемъ Берлина
и Лондона. Кромѣ „L’Illustration“,
еще одна газета изъ Германіи
— „Die Presse“ — пользуется
такими же станціями.

ПРАЗДНИКЪ ПОЖАРНЫХЪ.

Добровольная пожарная дружины рабочихъ харьковского завода Гельферихъ-Саде праздновала на-дняхъ четырехлѣтнюю годовщину своего существования.

Группа пожарныхъ.

Обученіе пожарныхъ.

Снимки В. Ю. Мюллера.

подобными же телавтографическими станциями располагаютъ слѣдующія газеты: „Berliner Lokal-Anzeiger“, въ Берлинѣ — съ Парижемъ, Мюнхеномъ, Копенгагеномъ и Стокгольмомъ.

„The Daily Mirror“, въ Лондонѣ — съ Парижемъ и Манчестеромъ.

„Politiken“, въ Копенгагенѣ — съ Берлиномъ и Стокгольмомъ.

„Dagens-Nyheter“, въ Стокгольмѣ — съ Копенгагеномъ.

„Colliers Weekly“, въ Нью-Йоркѣ — съ Вашингтономъ.

Между прочимъ, производились опыты съ цѣлью выяснить, можно ли пользоваться телавтографическими иллюстрациями для полицейскихъ на-
добностей: сток-

гольмская полиція должна была найти бѣжавшаго изъ Копенгагена вора по портрету, переданному телавтографическимъ способомъ редакціей копенгагенской газеты. Опытъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ.

Рѣдкое долголѣтіе.

Изъ Монреаля, въ Канадѣ, телеграфируютъ въ лондонскія газеты, что въ одну изъ тамошнихъ больницъ поступилъ на излѣченіе чрезвычайно интересный больной. Это — стариkъ, которому должно быть лѣтъ двѣсти отъ роду. Родные этого Маюсаила, при поступлении его въ больницу, представили документы, не менѣе интересные, чѣмъ самъ пациентъ: его метрическое свидѣтельство, выданное въ 1723 году, т. е. почти 190 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ замѣчательный стариkъ овдовѣлъ, прошло 113 лѣтъ. Еще въ 1814 году у него умеръ сынъ, которому было 90 лѣтъ. Этотъ стариkъ теперь совершенно глухъ и слѣпъ, но его умственная способность сохранилась хорошо. Если бы онъ жилъ въ Россіи, самѣчаютъ, „Бирж. Вѣд.“, то долженъ былъ бы «помнить Петра Великаго».

